

ТАТЬЯНА МИРОНОВА
доктор филологических наук

МИФЫ О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Размышления филолога

Что есть национальный характер? Действительно ли нас, русских, много-миллионную массу сородичей единят общие черты и склад ума, одинаковое восприятие жизни и схожий порядок действий? Наука этнология сегодня признает, что национальный характер и вправду существует, он объединяет людей в народы и племена и отличает их друг от друга.

Но вот в описание национальных характеров подчас вкрадываются лукавые измышления, которые извне навязываются народу в качестве его собственных представлений о себе самом. Ложь мифов о русском национальном характере прочно засела в наших головах. Мы привычно рассуждаем о пресловутой русской лени, о женственной мягкости и податливости русской натуры, о нашем бесконечном всепрощении и самоуничижительной смиренности, не замечая даже, что программируем собственное поведение, оправдывая собственные человеческие слабости особенностями своей национальности. Но язык наш и история легко соскребают ракушечник клеветы с днища русского корабля, чтобы тот спокойно и плавно двигался наравне с другими народами, уверенный в преимуществах своего величавого хода, наращивая скорость и мощь.

Миф о русском гуманизме

В числе внушаемых нам измышлений навяз в зубах миф о врожденной открытости и всечеловечности русского народа, который-де хлебосолен и радушен для всякого пришлого, встречного да поперечного. Высоким научным штилем эти мифы звучат так: “Черта, характерная для русского менталитета, – это **гуманное мировоззрение**, когда на первом месте в системе ценностей человека стоят судьбы всего человечества, на втором плане – судьба своего народа, на третьем – судьба своей семьи, собственная судьба... Менталитет русских включает в себя **открытость**, то есть любознательность, способность российской культуры открываться внешним влияниям, впитывать ценности разных народов, духовно обогащаться и преобразовывать их” (Егорычев А. М., Нидерер М. В. *Русский мир: составляющие этнического самосознания. \ \ Социальные силы славянского мира, январь 2010, с. 106–107*). Все это как будто звучит комплиментарно для русских: аж плакать хочется, какие мы, русские, распахнутые настезь всему миру, какая у нас переимчи-

вая культура и скопированные с чужих образцов традиции, как мы всё умело повторяем и как ловко всем подражаем.

Нас убеждают со всех сторон, что мы именно таковы, что для того строили свою Империю, открывая двери множеству народов, что и вся культура наша – сплошные перепевы Запада и Востока, и сплав этот уже кто-то подоспел назвать евразийством, то бишь смесью Европы и Азии... И получается, что к подвигам, к подвижничеству в строительстве нашего великого государства и не менее великой культуры русских направляла исключительно всечеловечность. Да нет же! – русские, как и все другие народы, жили и по сей день живут в четком разграничении **своих** и **чужих**.

Вообще этот научно доказанный факт, что без понятия о чужих народах ни один народ, ни одно племя не могут ощутить себя самодостаточным, особенным, отличным от других этносом, тщательно скрывается от не охваченного сокровенным знанием населения, дабы не разжигать “ксенофобских настроений” в обществе, не мешать воспитанию толерантности. На самом же деле ксенофобии – боязни чужих народов, неприятию чужих народов, отстраненности от чужих народов – столько же лет и тысячелетий, сколько самим племенам и этносам. Приведу здесь строго научную формулировку: “В народной культуре отношение к представителям других этносов во многом определяется понятием “этноцентризма”, когда свои традиции, своя религия, свои обычаи и свой язык мыслятся единственно настоящими, правильными и праведными. Этноцентризм не является характеристикой, свойственной только одной нации, представляя собой общекультурное явление” (О. В. Белова. *Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. М., 2006, с. 3*). Открытость и гуманизм могут быть свойствами отдельного человека, но не целой нации, иначе нация распадается и уничтожается, ведь из ее самосознания в таком случае изымается главный стержень, на который нанизывается все национально значимое, и этот стержень – **любовь к своим и неприятие чужих**. Да, отдельные мятущиеся личности действительно отрываются от священного древа нации и, как сухие листья, летят по миру, гонимые ветром любопытства и жадной приключений, таким, по русской пословице, где хорошо, там и родина, но большинство-то и на чужбине селятся общинами, хранят родной язык, национальные традиции, избегают растворяться в массе чужеродцев.

Русская картина мира изначально разделяется на **своих** и **чужих**, причем понятие **свой**, искони имевшее значение – *родной, ближний*, является ключевым словом русского языка, полагающим пределы всему, чем русские дорожат на этом свете. Слово **свой** прилагается и к языку, и к религии, и к обычаям, которые мыслятся своими, что значит – родными, данными Богом, и потому безусловно праведными и лучшими в мире, в отличие от чужих.

Что же такое – **чужие** для русского человека, так приверженного своим? Слово **чужой** исконно звучало как **туждь**, что буквально означало – человек оттуда, то есть с другой стороны света, из другого, непонятного, заграничного мира, по-русски – из иной страны. Полным аналогом слова **чужой** сегодня является понятие *иностранец*.

Без противопоставления **свой–чужой** русский человек обойтись просто не может, потому что тогда у него расплываются жизненные ориентиры.

Свойским является для нас общение. По наблюдениям лингвистов, русский в беседе предпочитает говорить сначала о событиях, потом о собеседнике и только в последнюю очередь о себе. Последнее у нас неодобрительно называется *ячиться*. Француз же при общении, согласно тем же исследованиям, в первую очередь посвятит беседу себе любимому, потом обратится к текущим событиям, а собеседник интересуется его в самой малой мере.

Противопоставление **свой–чужой** необходимо нам и для того, чтобы правильно, с точки зрения наших национальных интересов, относиться к происходящему в мире. Все, нам неприятное и вредное, враждебное и непонятное мы обычно именуем **чужью**, сегодня уже почти забыв, что в древности это слово звучало как **чужь**, то есть чужое, не свое, пришедшее со стороны, а оттого неприемлемое.

Противопоставление **свой–чужой**, неизменное на протяжении тысячелетий, указывает русскому человеку, где он может укрыться в случае опасности, при трудностях жизни и невзгодах судьбы. Уйти под защиту своих, получить прибежище от преследований чужими, согреться душой в вековых традициях взаимопомощи, национальной поддержки и солидарности – вот что нас ук-

реплет в волнах бушующего житейского моря, которое бороздят не только русские, но и множество чужих кораблей. Это противопоставление указывает нам, где наша защита и опора – среди своих.

Наконец, противопоставление **свой–чужой** указывает нам источник опасности и необходимость национального единения перед лицом чужаков. Когда натиск чужих обрушивается на весь народ, у своих – у русских – срабатывает инстинкт национального самосохранения и сплочения. Этот инстинкт в нашем народе наиболее силен и яростен. Вот почему мы так энергично и жертвенно поднимаемся на борьбу с иноземными захватчиками, вышвыриваем их со своей земли и гоним от своих границ до самых ворот их логова, чтобы убедиться в безвредности обезоруженного и обессиленного оккупанта. Так что противопоставление **свой–чужой** на протяжении веков являлось нашим спасением от инородного владычества, но оно же, – такое тоже случается, – стало ныне преградой не пути национального подъема. Вот почему мы так тяжелы на подъем против своих притеснителей – людей, которые по всем признакам должны быть своими – они с родной нам земли, говорят с нами на одном языке, но по поступкам те же янычары, и гнать бы их давно пора с той же решимостью и силой, как всякого врага, да срабатывает национальный инстинкт **“свой–чужой”**.

И только постепенное осознание, что в политике страны действуют не только свои, но и чужие, явится спасительным для русской нации. Это прекрасно сознают власти, потому и пытаются искоренить так называемую ксенофобию, насадить толерантность, а на самом деле стараются изничтожить национальный инстинкт самосохранения, который убить можно только вместе с народом.

Инстинкт этот ныне в русских нарастает. В советское время мы были национально ослаблены и истощены, во-первых, оголтелой пропагандой интернационализма, нахально эксплуатирующего миф об открытости и гуманизме русского народа, во-вторых, административным подавлением всего национально-самобытного русского в обычаях, культуре, языке, в-третьих, сглаживанием противоречий с соседствующими народами за счет предоставления наших государственных территорий в их суверенное владение. Но вот отпало промывание русских мозгов интернационализмом, и мы видим, как в лоне коммунистической пропаганды подросло и окрепло национальное самосознание наших соседей – прибалтов, грузин, армян, азербайджанцев, казахов, таджиков, туркмен... Ныне и мы вспомнили о своих корнях и традициях, и увидели, что иные народы резко отличаются этим от нас, причем живя по соседству, рядом с нами. И, наконец, эти самые соседи начали притязать на нашу землю, менять наши порядки, нарушать наши обычаи, портить наш язык, захватывать нашу собственность, исказить нашу Веру! Каково терпеть это русскому сердцу! И в противлении тому нет никакой преступной ксенофобии, а обычный для русского народа, да и для любого народа, населяющего землю своих предков, инстинкт национального самосохранения, который сегодня для русских становится последним шансом выживания.

Миф о русской лени

Лень – одна из главных черт характера в представлениях иноземцев о русском народе. Западный человек, а ныне уже и восточный, убежден, что русские склонны к безделью и лени, потому что они-де по природе созерцатели. Наши ближайшие соседи и вечные соперники немцы высказываются о русской лени предельно откровенно: “Русский думает: если ты сегодня можешь чего-то не делать, не делай – авось само собой уладится. Русский невысоко ценит свою деятельность. Он боится, как бы не нарушить этим высший порядок и волю Божию. Поэтому он предпочитает сидеть сложа руки и ждать...”.

Классики русской литературы под обаянием чужих заблуждений тоже роняли небрежные упреки своему народу: “Мы ленивы и не любопытны”, и не понимали того, что благодаря назойливому внушению русские и в самом деле начинали думать, что они ленивы, что в этом деятельном и деловитом мире их место на трибунах и у экранов телевизоров, что их доля – взирать на муравьиную кипучесть окрестных народов, строящих свое благополучие на руинах нашей разваливающейся державы.

Это очень выгодно сегодняшней власти, которая изо всех сил укореняет в нас привычку проводить время в безвольном сидении у телевизора, привычку не возражать, не протестовать, не возмущаться. Нам должно быть все равно, что смотреть в новостях — сюжет о выселении многодетной матери-одиночки из дома за неуплату долгов, отчет о всероссийском конгрессе по спасению кузнечиков или репортаж с шикарного банкета по случаю дня рождения какого-нибудь Вексельберга, Абрамовича или Лисина. Для нас, по замыслу властей, должно быть все одинаково занимательно, и одновременно ко всему этому мы должны быть равно равнодушны — ни гнева и ужаса перед бессердечием судей и чиновников, выгоняющих детей на улицу, ни презрения к олигарху, прожигающему свою никчемную жизнь на уворованной народной собственности, ни отвращения к насекомым конгрессам, когда в стране гибнут миллионы живых людей. Ничто не должно волновать зрителя, ничто не должно подвигать его к действиям против вопиющего бесправия народа.

Разумеется, любому русскому, кто знает собственную историю, заявления о нашей природной созерцательности и лени кажутся смехотворными. Разве русская нация, многие века жившая сверхнапряженной жизнью строителей великого и мощного государства, пребывает в пустом созерцании бытия и ничего не дерзает совершать, чтобы не нарушить порядок во Вселенной? Да о нас ли это написано? И для чего внушать нам мысль о якобы тупой русской лени, слегка подретушированной снисходительной и великодушной созерцательностью?

Ясно, к чему клонит немец или англичанин, не видя в русских деловитости, именуемой у них бизнесом, и оттого презирая нас за отсутствие муравьиной суетливости. Западноевропейец имеет отличный от русского человека взгляд на самую деятельность, потому что у него иная, чем у русских, языковая картина мира.

Как может быть русский человек законченным созерцателем и бездельником, если русское видение мира в грамматике нашего языка опирается прежде всего на глагол? Глагол же в языке выражает действие, и потому мирозерцание русских — деятельное. От глаголов образуется в нашем языке основная масса существительных и прилагательных. Опора грамматики на глагол означает, что русская мысль энергична, что русский язык любит действие и движение, что русская психология не созерцательна и инертна, как на этом сегодня настаивают наши критики на Западе, а подвижна, отзывчива на всякое притеснение, рано или поздно оказывая противодействие и давая отпор.

Стихийная, то есть заложенная языком бытийность русского человека сказывается в том, что он является приверженцем дела — и конкретного (“мое дело маленькое”) или масштабного (“глаза боятся, а руки делают”) — не суть, но именно **дела**, а не пустой болтовни, наивной мечтательности или жадного потребления. Для деятельности у русских предусмотрено три ключевых слова — **дело, труд, работа**. Русские почитают высокое и целеполагающее **дело**: вспомним здесь “дело всей жизни”, “дело мастера боится”, одобрительное прилагательное “дельный”, то есть надежный в деле, не менее хвалебное “деловой”, что значит энергичный. Русские уважают требующий усилий и **пота труд**: прилагательные “трудный”, “трудова́й”, “трудолюбивый” говорят об этом, а также наши поговорки, воспитывающие детей в необходимости трудиться — “без труда не выловишь и рыбку из пруда”. Русские сознают жизненную необходимость повседневной, рутинной **работы**: вот к ней-то мы относимся не без вздохов — “работа не волк, в лес не убежит”, недаром слово “работа” происходит от слова “раб”: работа — это труд подневольный, и все русские это хорошо чувствуют. Но все же три понятия в русском мирозерцании — **дело, труд, работа** — существуют у нас в чести, а не в пренебрежении, все они имеют высокоравственный смысл самостоятельного делания — своими руками, своей головой, крепко стоя на своих ногах.

Приведем еще один довод вперекор лжи о русской созерцательности и лени. Важнейшей частью грамматики нашего языка является глагол **быть**, а вовсе не глаголы **иметь** и **хотеть**, как в западноевропейских языках. Именно глагол **быть**, формирующий грамматические структуры времени русского языка, показывает, что русский человек с рождения воспитывается в условиях деловой бытийности, а не умозрительной созерцательности. Для прошедшего и будущего времени связкой с действительностью является именно

глагол **быть**. Совсем иная картина мира в других языках. Русское “я был” по-английски звучит: “I have been”, что буквально означает “я имел быть”. Русское “я буду жить” в английском выглядит как “I will live”, что буквально переводится — “я хочу жить”.

Уже не раз лингвисты обращали внимание на то, что формула владения в русском языке тоже бытийная, и это парадоксальный для других народов, не понятный им наш национальный взгляд на мир. Когда русский человек хочет объяснить, чем он владеет, он говорит — “у меня есть”, структура языка заставляет его мыслить, что его собственность дана ему свыше, а не завоевана его жадностью или алчностью, она просто дана и она **есть**, что значит — существует в собственности. Русская грамматическая формула “у меня есть” определяет нашу природную нерасчетливость, наше врожденное и воспитанное родным языком нежелание потворствовать даже собственным прихотям. Действующий вопреки этой формуле русский, вожделем к богатству, алчущий выгоды, поступает не по-русски, мы тотчас же присваиваем ему прозвище *хапуга, рвач, ловчила, мироед, кулак*, мы его презираем, им брезгуем. Даже торговля в русской языковой картине мира рисуется делом не очень благородным, ибо сам корень этого слова **торг-** означает *дергать, вырывать, исторгать*. То есть *торговец, торгаш* тоже отчасти сближается с понятием *рвач*. Неумная страсть к богатству в русском представлении — безумие. Ибо ему есть строгие ограничители: “на наш век хватит”, “будет с нас — не дети у нас, а дети будут — сами добудут”, “богатство с собой в могилу не унесешь”. Поэтому и сегодняшний призыв к обогащению не находит у русских единого отклика. Отдельные безумцы кидаются в пучину рвачества и деличества, но огромное русское большинство печально смотрит на них как на воистину сумасшедших, не понимая, как можно попирать свою русскую натуру и насиловать свою русскую душу алчностью. Не удивительно также, что в одержимой гонке за обогащением русские отстают от других народов в собственной же стране. Им в массе своей не понятно и неприятно вырывать, выторговывать, выцарапывать для себя одного то, что по праву есть и должно быть у всех нас.

И разве не понятно теперь, почему мы в глазах иностранцев выглядим безвольными созерцателями. Мы не стремимся к обладанию миром, мы не желаем проглотить чужую или общенародную собственность целиком или по частям, лишь бы она досталась только лишь нам одним. Нет, мы живем и действуем с намерением пользоваться плодами **своего труда**. Мы полагаемся в деле только на себя, стремясь во всем думать своей головой, все делать своими руками и крепко стоять на своих ногах. Но, видимо, такой образ жизни представляется завоевательному духу Америки, Европы и Азии как бездеятельность и созерцательность, поскольку немец и англичанин, американец и француз, китаец и азербайджанец не увидят в русском трудолюбии того, что они привыкли считать деятельностью.

Наш образ деятельности заключается в том, что в центре внимания нормального русского человека находится не факт чужой собственности или идея поглощения чужого имущества, а собственное конкретное дело, не затрагивающее чужих интересов. “Эмпирик англичанин имеет дело с фактами, мыслитель немец — с идеей: один давит и грабит народы, другой уничтожает в них саму народность”, — такова, по словам русского философа Владимира Соловьева, суть деятельности западноевропейцев. Русский же человек опирается на дело, вся жизнь понимается им как собственные действия в ней. И созерцательность, то есть ленивое прозябание сложа руки, для русского вещь непонятная и неуместная.

Недаром русский всегда стремится **прожить жизнь не зря**. Ведь что такое **жить не зря** — это значит быть не скучающим зрителем, не томным созерцателем, не праздным наблюдателем, а деятельным творцом и энергичным борцом. Только по-русски говорят, что хуже всего на свете — **погибнуть зря**, то есть умереть, стоя в сторонке от схватки, трусливо взирая на тех отважных, кто безоглядно ринулся в бой. Перед нами вновь формула русского поведения, определяющая, что сторонний наблюдатель напрасно — **зря** проживает свою жизнь, и чтобы оставить по себе след в истории, нужно жить не зря, а действуя.

Наверное, еще и потому мы выглядим в чужих глазах наивными созерцателями, что у русских, с одной стороны, и у европейцев с американцами,

с другой, — разное отношение к действительности человеческой мысли. Русский человек мысль рассматривает как дело, вот почему именно в русском обществе и государстве мысль во все времена представлялась опасной, за мысли несправедливая власть судила и по сей день судит, будто за совершенное преступное дело, ибо все мы живем, повинувшись русскому языковому правилу: “сказано — сделано”. А это означает, что однажды задуманное волевым русским человеком неизбежно воплощается в его делах.

Кроме того, есть в русском языке особенное слово **промышлять**, означающее и план действий, и само это действие одновременно. Деловых русских людей звали в старину **промышленниками**, всякое ремесло, а затем и современную индустрию по-русски именуют **промышленностью**! И даже охотники и разбойники поныне отправляются на **промысел**, разумея, что всякое дело — и хорошее, и даже плохое для успешности должно предначинаться глубокой думой и расчетом.

Однако личная мысль не так значима для русского, пока она не овладеет умами многих соплеменников. Если мысль стала общей думой, то есть обрела черты идеологии, русские ее рано или поздно осуществляют, претворят в жизнь. Не случайно именно в России родилось учение В. И. Вернадского о ноосфере, в котором ключевая идея — всепобеждающая сила мысли. Вернадский же сформулировал и важнейший закон человеческого прогресса: “Мысль не является видом энергии, но действует подобно энергии”.

Вот и сегодня мы живем в преддверии всепобеждающего действия русской национальной идеи. Ее главные, сокрушающие неправду современной жизни темы — “Россия для русских и других коренных народов России”, “Россия — русскую власть”. Эти идеи стали ныне общей думой миллионов и миллионов русских людей, которые уже стряхивают с себя летаргическое созерцание, внушенное мерцающими ящиками. Эти идеи действуют подобно энергии, пробуждая в русском народе волю к действию. Они пронзают души желанием прожить жизнь не зря. Они убеждают подняться против несправедливости и геноцида.

Миф о русском анархизме

В летописном сказании о призвании варягов на Русь славяне просят чужаков: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите править и володеть нами”. Эти слова из древней легенды стали основой упорного мифа о неспособности русских управлять собственным государством и о несклонности русского народа к какому бы то ни было порядку. Мнение это первоначально внедрялось немцами, особенно теми, кто жил среди русских. Сейчас же это мнение разошлось не только по миру, но и по родной стране нашей, и уже сами русские вбивают себе в голову — мы-де неспособны ни к какому самоуправлению и самоорганизации. И многие русские теперь уверены, что очень кстати нам чужеродное владычество: где уж русским с собственной страной управиться! Ну, не умеем мы!

То, что немцы не понимали наш русский образ самоуправления, не удивительно. Ведь германская страсть к порядку является национальной чертой немца, которому помимо этого свойственны: “дисциплина, волевое напряжение, предусмотрительность, заботливость”. Вот как немец Вальтер Шубарт описывает своих сородичей: “Немцы — полная противоположность славян, которым более всего недостает типичных немецких черт... У немцев повышенная страсть к нормированию... Порядок любой ценой, даже ценой истины! У немцев — организационный талант. Немцы, пожалуй, самый способный народ на земле в плане организации... Немцы — чрезвычайно методичный народ. Немцы являют собою самых деятельных и волевых людей из всех когда-либо живших. Немец — это фанатик человеческой деловитости...”.

Конечно, на этом идеальном фоне немецкой организованности русские выглядят, что называется, непрезентабельно. Немецкое методичное нормирование или кропотливое планирование русским действительно не свойственно. У нас на все человеческие планы и нормы есть мощный ограничитель, именуемый Божьим промыслом. Русское упование на Бога и на Его промыслительность более, чем на собственные расчеты, выражено в поговорке — “человек предполагает, а Бог располагает”. Но это вовсе не означает, что русские движутся по жизни без руля и ветрил, что они носятся бессмысленно

ными щепками в житейских волнах. Напротив, русский, как и немец, следует к определенной цели, но цель для него важнее пути. Немец предусматривает, просчитывает возможные препятствия и пути их преодоления, русский заранее готов пройти какие бы то ни было препятствия любой ценой. Поэтому ему не надо нормировать и планировать всё до тонкостей и деталей. Достаточно начертать направление движения и составить общий порядок действий. То есть вместо немецкой методичности просчитываемых шагов мы, русские, обладаем трезвым пониманием, что господин случай – внезапный зигзаг или кривизна на пути – такой исконный смысл имеет слово *случай*, – может порушить любые, самые обстоятельные планы. Но это, с русской точки зрения, хорошо, ибо “что Бог ни делает, все к лучшему”. И потому, плавая по “моря житейскому, каменьев подводных исполненному”, мы уповаем на свою смекалку, на волю и мужество, и... на наш русский **авось**.

Ведь что такое **авось** в исконном значении этого слова: это древнее словосочетание **а-во-се**, означавшее настырное русское упорство – **а вот так!** Авось – это готовность встретить препятствие лицом к лицу и лихо, отчаянно, рискованно его одолеть.

Русским **авось** встречали мы всякое непредвиденное обстоятельство, любую опасность, и эта бесконечно удивлявшая иноземцев русская лихость абсолютно естественна для нас, полагающихся в трудностях, что встречаются на пути, на свои догадку, силу, напряжение воли и, разумеется, на удалую молодецкую.

А теперь коснемся всемирной убежденности в отсутствии у русских способностей к порядку и самоуправлению. Так ли это? А может быть, мы просто принцип организованности мыслим иначе, чем немцы и англичане, французы и американцы, чем евреи, наконец?

Есть два типа отношений в иерархии руководителя и ему служащих – это отношения подчинения и послушания. Под-**чин**-ение, если следовать исконному значению этого слова, предполагает преклонение перед законом, пребывание под игом закона. Само слово **чин** есть порядок действий, установленных законом.

Судите сами и по себе: подчинение крайне противно русской натуре, потому что в нем интуитивно, исходя из языковых смыслов, русский человек усматривает скуку регулярности и холод бессердечности. Организация, основанная на подчинении, наиболее эффективна у законников-немцев, которые и верховного вождя своего именовали “конунг”, то есть законодатель. Русскими необходимость подчинения не отрицается, но там, где она применяется, действует у нас из рук вон плохо.

Наш подлинно русский тип организованности основан на **послушании**. Человек, оказывающий послушание другому, свидетельствует своими действиями о том, что тот, другой, достоин его доверия и покорства. Такой тип организации основан не на страхе перед законом, а на доверии, уважении и любви к личности вождя, который должен это заслужить, он должен быть этого достоин. Таков чисто русский тип организованности, чуждый западному представлению об организации и порядке.

В русском понимании иерархия **начальник** и **подчиненный** замещается отношениями, сходными с родственными, то есть это иерархия отца, его сыновей и дочерей, между собой являющихся братьями и сестрами. Причем допускается по-русски, что отец-правитель может быть суров, требователен, даже жесток, если жесткость и требовательность полезны детям. Подданные это чувствуют и добросовестно исполняют самые суровые приказы, что замечательно выразил А. В. Суворов, говоря об “отцах-командирах”, и об этом же сказывается в старинных военных песнях, где поется: “Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ваши отцы? – Наши отцы – полководцы, вот кто наши отцы”. Мы видим такой тип русского послушания в организации казацкой вольницы, где тюркское слово **атаман** по-русски означает *человек-отец*, то есть казачье **батя**. И в современной российской армии хорошего комбата зовут **батя**. Мы знаем и типичное обращение отца-командира к солдатам: “сынки”, что тоже наследует древнюю русскую иерархию послушания, а не подчинения.

Ярко выраженная в военных структурах, та же система организации на принципах послушания отлажено действовала в государственном строе России. Царь, верховный правитель Руси-России, у нас всегда именовался царем-батюшкой, а отношения подданных между собой в подобной иерархии

подразумевали **братство**. Благой, уважаемый, любимый всеми вождь, руководитель имел для русских значение, равное у европейцев хорошему закону. Вождя — того, кто вел за собой остальных, слушались беспрекословно, его любили, его встречали с искренними слезами счастья и умиления, его защищали до последней капли крови... Если же царь-батюшка, генерал-губернатор, отец-командир, куренной атаман, генеральный секретарь, президент или премьер-министр, и кто бы ни был еще из руководителей, оказывался не достоин уважения и доверия, то русское послушание со временем непременно сменялось неповиновением, доходившим до бунта. Бунт же могло вызвать невыполнение вождем, князем, царем, словом — отцом-батюшкой, своих отцовских обязанностей, в числе которых не только попечение о народе, как о своих сынах и дочерях, но и отеческая любовь к ним, гордость за них и их успехи. Западная иерархия, основанная на подчинении, не предусматривает ни попечения, ни взаимной любви, ни отеческой гордости, именно оттого подчинение закону по западному образцу холодно, бессердечно и несимпатично русским.

Самобытный тип русской организованности в современном правлении Россией не то что не учитывается, о нем просто не знают нерусские люди, правящие страной. Они полагаются на западный принцип подчинения закону, понаписали этих самых законов горы немереные, и не перестают удивляться, почему в России они не действуют. Они и не могут действовать в русской среде, где русские не верят в непреложность законов (“закон что дышло — куда повернул, туда и вышло”). Мы, русские, неизменно уповаем на другое: надеемся увидеть в президенте или премьер-министре отца — попечителя о народе. Но никак не можем отеческой заботы в них разглядеть. А коли отец народа о нас не заботится — значит, он нам не отец. А если не отец, то на кой он нам нужен, чтобы его слушаться!

Пиар-технологи, правда, порой спохватываются и изображают наших властителей этакими кормильцами народа, отправляют их колесить по стране, имитируя заботу, уговаривают заглянуть в магазины, чтобы посочувствовать безудержному росту цен, принуждают обещать снизить расценки на дизель и бензин почти разоренным крестьянам, политтехнологи уговаривают властителей дать честное слово пересмотреть школьный курс обязательных наук, чтобы молодежь подрастала не очень безмозглой, пиарщики советуют им регулярно обещать народу доступное жилье, — словом, заставляют президента и премьер-министра ради имиджа отца-кормильца наперебой обещать населению раздачу из своих рук кусков и ломтей всякого добра. Но эти пиаровские ходы не могут скрыть подлинного отношения к народу раздающих подачки правителей, тщетно пытающихся изображать отцовские чувства. Потому что обделенное большинство смотрит на зрелище раздачи кусков отдельным, тщательно отобранным для общения с властью гражданам — кто голодными, кто завистливыми, кто насмешливыми, но все одинаково злыми глазами. И видят все одинаково — что перед ними не отец, а опасливый дрессировщик, стремящийся приручить зверя, которого он и боится, и не любит одновременно.

Наши нынешние “отцы народа” много и дорого отдыхают, каждый отстроил по резиденции под Москвой, да по дворцу в Сочи, да еще кое-что “по мелочи”, вроде Константиновского дворца в Стрельне под Петербургом. Заседания правительства, госсоветы, совещания — все это проходит в кратких перерывах между часами блаженного отдохновения — между купанием в бассейне, промеж тренировок мускулистых тел в спортивных залах. И, разумеется, время от времени наши властители любят пощекотать себе нервы чем-нибудь экстремальным, чтобы оживить увядающую молодость приличной порцией адреналина. Премьер-министр Путин то катается на мотоциклах с байкерами, то целует в морду здоровогоного осетра, то обнимается со свирепыми тиграми, то гарцует на необъезженных жеребцах, то рассекает страну на отечественной полудохлой “Ладе-Калине”... Угасающая, спивающаяся, голодная, нищая Россия смотрит на эти развлечения в скорбном пока молчании, не припоминая на своем троне подобных прожигателей жизни и денег.

Может ли народ оказывать послушание людям, сделавшим беспредельную власть орудием собственного наслаждения и сладострастия? Разве они нам отцы родные? Разве о нас их попечение и забота? Будь перед нами отец-правитель, да разве он дозволил бы своим приспешникам издеваться над

людьми, лишая их крова, работы, последних шансов родить и вырастить детей. Будь у нас батюшка-властитель, разве он допустил бы развращения и растления своих подданных, разгула педофилии и проституции? Будь у нас отец народа, разве он разрешил бы повальное спаивание женщин и детей, наркоманию, травлю населения вредными продуктами и прививками? Мы же все понимаем, что это не отцы сменяют у нас друг друга на российском троне, и даже не отчимы. Не тянут они на отцов нации, на какие бы цыпочки ни становились сами, и на какие бы высокие скамеечки их пиартехнологи ни подсаживали.

Итак, наш русский порядок иной, чем немецкий, французский или английский. Наша русская организованность иная, чем европейская или американская. То, что немцы или американцы не видят у нас своего порядка, вовсе не означает, что русские не способны к организации. Мы просто по-другому организуемся, у нас другие способы достижения цели, как в построении государства, так и в ведении войны. И мы себя в этом еще не раз проявим, когда сами сознательно и трезво выберем из своей среды подлинных отцов-командиров, настоящих отцов нации. И тогда возродится в народной среде России самое настоящее русское братство. Это когда один у нас отец-правитель, и все мы – его родные дети, а между собой – братья и сестры.

Миф о женственности русского характера

О женственности русского характера перетолковано много. Мягкость, уступчивость, всепрощение, терпеливость, интуитивный принцип мышления, – в русской литературе и философии объявлены специфически русским складом природы, который-де и оказался причиной наших многовековых бед, но одновременно признан предметом особого любования и гордости, как, бывает, любят и гордятся очень красивым, хоть и очень физически и духовно слабым человеком. Иностранцы же все эти черты тем более записывают в доказательства неоспоримой женственности русских, а следовательно, их слабости по сравнению с рельефно выраженной мужественностью природы человека западного – немца, англичанина, француза, белого американца, за которыми признается первенство в твердости, рассудительности, расчетливости, жесткости и наступательности характера. Презрение, которое питают к нам на Западе, полагая нас женственным народом, было бы для русских вполне достойно пренебрежения, если бы за этим не стояла постоянная угроза нашей независимости, вызванная искушением всякого, считающего себя сильным, напасть на слабейшего и не умеющего дать отпор. Ведь слабость народа необыкновенно притягательна для тех, кто зарится на его богатства и земли.

Каковы признаки женственности характера, которые в противовес зримой мужественности природы западного человека целенаправленно навязывают нашему сознанию как типично русские? Позаимствуем их из книги того же Вальтера Шубарта “Европа и душа Востока”, тем более что этот немец с огромной симпатией относился к русскому народу и критиковал свой, немецкий, а следовательно, его нельзя обвинить в предвзятости и клевете на русских из чувства заведомой неприязни. “Противоположность между западным и восточным (русским – Т. М.) человеком проявляется как соотношение мужского и женственного. Мужской склад – это воля к власти, доминирование идеи права над идеей любви, действия над созерцанием, рассудка над чувством. Женский склад – самоотдача, благоговение, смирение, терпение. Мужчине свойственны критика, рационализм. Женщине – интуиция, восприимчивость к внушению, вера. Мужчина отделяется от всеобщего и стремится к автономии... в результате становится **личностью**. Женщина чувствует свою соединенность с целостным миром, она укоренена в природе, словно **растение**... Женщина переносит страдания легче, чем мужчина, потому что она не противится им. Она уступает им, приспосабливается. Мужчина, наоборот, упорно сопротивляется и как раз вследствие этого чувствует всю силу страданий”. На основании подобных сопоставлений Шубарт делает вывод о женственной природе русской сущности.

Напор, ум, рационализм – этих приоритетов мужественности русские якобы лишены. Их удел – уступчивость, интуиция, вера, – свойства сугубо женские. По представлению Запада, русский народ по-бабьи мягкотел и иррационален, впрочем, он добр и радушен, в нем много любви, чего хладно-

кровный европеец напрочь лишен. А любовь и есть признак женственности характера, и это представление до сих пор питает иллюзии Запада о нашей национальной слабости. Так ли это на самом деле? Нет. Русский характер не имеет ничего общего с женской слабиной и уступчивостью. Просто мужественность нашей природы иная, чем в характере немца, англичанина, американца. И различия эти отражены в языках русском и других народов.

В 1929 году проницательный отечественный лингвист И. А. Бодуэн де Куртене высказал гипотезу о том, что способ вычленения грамматического рода – мужского, женского, среднего в индоевропейских языках – влияет на мировоззрение носителей языков.

Так, языки с различием трех грамматических родов вводят в картину мира разделение на мужское, женское и детское начала. Весь мир в его явлениях и вещах предстает в таких языках разделенным по роду и полу, а средний род вбирает в себя понятия о детском – то есть беззащитном и кровно родном. Санскрит, греческий, латинский и все славянские языки, в том числе русский, представляют в своей грамматике такую картину мира, где род – то есть отец, мать и дитя – является призмой, через которую человек рассматривает все окружающее. Названия вещей и природных явлений, приобретая через грамматику мужской, женский или средний род, зачастую ассоциируются с образами отца, матери, жены, мужа, ребенка – сына и дочери.

В языках лишь с двумя грамматическими родами – мужским и женским – этим двум признакам живых организмов противопоставлено все неживое. То есть все, что может двигаться и изменяться, противопоставлено тому, что инертно и безжизненно. Так, в романских языках существуют только мужской и женский роды.

В третьей группе языков – в скандинавских и английском – выделяют личный род, описывающий только людей (и это мужчины, поскольку женский род грамматически не выражен), и общий род для всех остальных существ и веществ. В центре внимания грамматики этих языков личность, причем мужского пола, женское и детское начала для этих языков не существенны.

Лингвист Бодуэн де Куртене предположил, что именно на основании способа выражения грамматического рода у носителей разных языков разное и отношение к любви. В русском языке любовь предстает как суть отношения к людям – к отцу, матери, жене, мужу, ребенку, а через них и ко всему окружающему миру. Во французском языке любовь – это образ живой жизни, в отличие от неживой природы, а воспроизведение потомства рассматривается лишь как результат связи полов – пресловутый “лямур”, вызывающий у русского человека отстраненную брезгливость. В английском языке любовь – это конкретное понятие о несущественной для большинства мужчин стороне жизни, с русской точки зрения – это полный цинизм, что так шокирует нас в английском слове “секс”.

Итак, деление мира на три рода, которым пронизано все в русском языке, одушевляет в наших глазах весь мир, делает его живым и заставляет видеть в вещах, в животных, в отвлеченных и абстрактных понятиях признаки живой любви: Родину и родную землю русские любят как мать, дом почитают как отца. Если жилье наше – изба или хата, то в ней вновь обретаются признаки материнства. Береза, ива, осина – девицы красные, образы томящейся, тоскующей души, дуб – могучий богатырь, облако, небо, солнце – сосредоточение воспоминаний о детстве. Все в этом мире для нас одушевлено русской грамматикой – мужским, женским и средним родом, все пронизано образами, которые будят чувство любви – материнской и отцовской, супружеской, сыновней, детской. Эти образы любви многолики, и потому идеалом в нашем языке является платоническая любовь, обобщенный символ, в котором для русского человека сконцентрированы разнообразны воплощения любви. То есть мы можем сказать – я люблю Родину, мать, жену, сына, собаку, своего коня, свой дом, парное молоко, красивую одежду, умные книги, писателя Достоевского – и это все, с нашей точки зрения, любовь. Весь окружающий нас мир дышит любовью к нам. И мы, русские, дышим любовью к миру, одушевленному для нас образами материнства, отцовства, детства и связанными с ними высокими чувствами верности, заботы, доверия, жертвенности. Наша любовь всеохватна и чиста. И слова для зримого нами мира мы наполняем своей особенной русской любовью – “Волга-матушка”, “Дон-батюшка”, “деревня-кумушка”, “город-удалец”, “красавица-зорька”... И друг

друга любящие сердца называют “милый” и “милая”, происходящие от глагола **миловать**, а в русских говорах подчас вместо **люблю** говорят **жалею**.

Естественно, что столь разное отношение к любви в русском и западных народах порождало упорное непонимание нас иностранцами. Видя, как много любви в русском языке и, следовательно, в русской психологии, западные философы и политики настойчиво заговорили о “вечно-женственном в русской душе”, о том, что загадочность русской души объясняется женской ее глубиной, которая находится в состоянии бабьей влюбленности, а следовательно, в хаотическом движении, аморфном развитии и непостоянстве. Исходя из преобладания, с точки зрения англичанина или француза, женского начала в русском характере, русскому народу приписывали и другие женские черты – созерцательность, долготерпение, всепрощение, кротость. Какая наивность и легкоеверие иностранцев – видеть чужой народ через призму собственного языка, лишенного тех качеств любви, которые свойственны русскому языку!

Исторические судьбы русского народа на каждом шагу нашей истории опровергают миф о женственности русской природы.

Русский героизм в бесконечной череде войн, которые вела Россия, опровергает представление чужаков о нашей слабости. Ожесточенность, с какой оказывали сопротивление русские в многочисленных восстаниях против угнетения, развеивает утверждения о нашей уступчивости и податливости.

Русский мужской склад ума, способный охватывать огромные пласты природы и социума, устанавливая для них закономерности, открывая физические законы, русская изобретательность, далеко продвинувшая человечество по пути технического прогресса, – все это опровергает упреки русских в женоподобной нелогичности и неспособности мыслить.

Создание великой российской Империи, а потом советской Империи, деятельное строительство городов, промышленности камня на камне не оставляют от утверждения о русской бездейственной бабьей созерцательности.

Революции, восстания, потрясающие Россию в последние два века, вдребезги разбивают тезис о женственном долготерпении русских.

И именно наша любовь к этому миру и видение этого мира через призму любви куют такой русский характер, – решительный, последовательно идущий к цели, логически точный, сильный и напряженный, из любви к Родине и ближним добывающий своего. Но русский жертвенно-мужественный характер совсем не похож на эгоистично-мужественный характер западного человека, оттого не способного понять нашу русскую мужественность, свойственную в трудные минуты даже женщинам, ибо только в мужестве проявляется любовь в минуту испытаний.

Миф о русских угнетателях

Разговоры о нетолерантности русского народа, о его природной агрессивности и враждебном отношении к инородцам идут давно и настойчиво. В нас развивают своего рода комплекс вины, настаивая на том, что русские, простираясь на огромные территории, всегда вели себя как завоеватели-оккупанты, подавляя, порабощая, ассимилируя иные народы. Вспомните, как воспитывали вражду к нам в балтийских этносах – в литовцах, латышах, уверяя их в агрессивных притязаниях русских на исконные земли балтов. Латыши и литовцы несколько подзабыли судьбу пруссов – их балтийских соплеменников, которые оказались стерты с лица земли германскими племенами, и памятью о погибшем племени пруссов осталось лишь название бывшей немецкой провинции – Пруссии. Оккупантами называли нас недавно и грузины, забывая, что накануне подписания Георгиевского трактата, приведшего Грузию под защитную руку Российской Империи, в самой Грузии было практически исчерпано мужское население, все мужчины старше семи лет уведены в неволю либо беспощадно истреблялись. Геноцид грузинского народа был остановлен русскими.

Ныне и малые народы в составе России частенько намекают на свое рабское состояние рядом с русским соседом и постоянно шантажируют нас нашей нетолерантностью, агрессивностью, экстремизмом. Зависть малых народов к большим вполне понятна, и попытки оправдать свою малость давлением со стороны сильного соседа даже вызывают сочувствие. Легче всего найти

виноватого на стороне. И пусть бы себе объяснялись друг перед другом, но ныне народы, окружающие русских, живущие с нами в ближнем и дальнем соседстве, стремятся вунзить и нам, русским, что мы исконные агрессоры, а Россия была и остается, по зловещему ленинскому определению, тюрьмой народов.

Можно опровергать ложь фактами истории, но мы обратимся за аргументами к русскому языку. Он объективный свидетель того, что мы никогда не поработали другие народы.

Разные народы по-разному понимают рабство, и институт рабства отражен в их языках. Крупнейший французский лингвист Эмиль Бенвенист, привлекая языковой опыт индоевропейских и неиндоевропейских культур, установил, что “единого обозначения для понятия раба нет ни в одном индоевропейском языке”. Раб поставлен вне общества, он всегда “чужой”, так как большинство народов получали рабов из военнопленных: “раб обязательно чужестранец”. В латинском **раб** – это *servus*, вероятно, из имени этрусков, которых завоевали римляне, у французов **раб** – *esclave*, что значит *славянин*, в англосаксонском **раб** – *wealh*, означающее *кельт*, а еще английский язык знает для понятия **раб** слово *slave*, также означающее *славянина*. Западные народы добывали рабов из завоеванных племен, из инородцев, из чужих, причем в большинстве своем этими инородцами были как раз славяне, населявшие Западную Европу и оставившие там немало славянских названий в именовании рек, озер, городов. Ведь что такое Венеция – это город венодов – племени славянского, а Лейпциг – онемеченное звучание славянского слова, нечто похожее на наш Липецк. Знаменитое озеро Балатон – вовсе не венгерское название. Это название славянское, и означает оно, что озеро окружено болотами. Но разве славянские народы живут в Венеции, Лейпциге или на Балатоне? Их давно уже нет, зато остались в языках европейских народов именовании славян в значении – **рабы**.

Итак, в большинстве языков в значении **раб** выступают именовании инородцев. Но на русских это правило не распространялось никогда. Мы, русские и другие славяне, не делали пленных чужеземцев рабами. Вот свидетельство греческого историка Маврикия Стратега: “Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе. Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, при переходе с одного места на другое охраняют их в случае надобности, так что если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел ущерб, принимавший его раньше начинает войну против виновного, считая долгом чести отомстить за чужеземца”.

Русские, унаследовавшие этот обычай всех славян, действительно не использовали чужеземцев как рабов. И слова *раб*, *отрок*, *холоп*, обозначающие в русском языке подневольное состояние, имеют исконное русское происхождение, а вовсе не означают представителей плененных народов. Все эти слова являются славянскими названиями детей, малолетков, подростков, то есть терминами **родства**.

Слово **холоп** (холпъ) находится в теснейшем родстве со словами *холка* и *холостой*, происходит от глагола *холить*, что искони означало “стричь очень коротко”. Обычай острижения волос у мальчика – это древний обряд посвящения подростка в юноши. И потому слово **холоп** было обозначением юноши – младшего члена рода, используемого в работниках.

Наилучшими работниками у славян были молодые – младшие в роду. Русские люди делили свои возрасты по седмицам – семилетьям, это известно из древних рукописных книг: “До семи лет – младенец, до двух седмиц лет (то есть до четырнадцати) – отроча, до трех седмиц лет (значит, до двадцати одного года) – отрок, до четырех седмиц лет (это до двадцативосьмилетия) – юноша, до восьми седмиц лет (до пятидесяти шести) – муж, и оттоле старец”. То есть слово **отрок** обозначало подростка от четырнадцати лет до двадцати одного года, младшего в роду и семье, но которого уже можно было использовать для работы.

Слово **раб** (а по-древнерусски оно звучало как **роб**) показывает, что это тоже термин для младшего члена семьи, используемого в работе. Слово *ре-*

бенок, имеющее истоки в древнем понятии **робя-робенок-ребенок**, сохранило значение “очень маленький член рода и семьи”.

Слова **холоп**, **отрок**, **раб** исконно означали **своих**, членов своего рода и своей семьи, используемых в работниках. **Раб**, или по-древнерусски – роб, был самый младший по возрасту работник, от него произошло слово **ребенок**, **отрок** – это тоже семейный работник, только постарше, с четырнадцати лет до двадцати одного года, и, наконец, **холоп** – это самый старший по возрасту работник в семье, но не достигший двадцати восьми лет.

Вот и выходит, что рабства в понимании других индоевропейских народов у славян и у русских не было. Русские использовали труд младших членов рода, сначала это были младшие по возрасту, потом – по социальному статусу. Но в любом случае это были не пленные, не чужаки, не инородцы. Это были **свои**. Причем издеваться над рабами и холопами, обессилить их неподъемным трудом так, как это делали в других землях и странах другие народы, русским не позволяло как раз то, что это были свои.

Такой взгляд на подневольный труд и на работников сохранялся у русских на протяжении всей истории, он не меняется и по сию пору, потому что заложен в родном языке. На Руси никогда не было рабовладельческого строя, который пережили все иные человеческие цивилизации, лишь русские избежали эпохи рабовладения, что до сих пор вызывает изумление историков и подчас объясняется отсталостью развития русской государственности. Да и крепостное право никогда не было подлинным рабством в России. Крестьяне чаще всего оставались верными земле, но не лично помещику, злоупотребления, такие как история с Салтычихой, жестоко наказывались и вызвали бурю негодования в общественном сознании. Но если своих, русских, позволялось использовать в подневольном труде (это коренилось в исконно заложенных правилах отношений в семье и роду), то эксплуатация инородцев как рабов была просто невозможна.

Со временем слово **раб** в русском языковом сознании приобрело новые оттенки – безволия, бессилия сдавшегося перед обстоятельствами жизни человека. Слово **холоп** стало обозначать внутреннюю несвободу. А слово **отрок** сегодня именуется лишь юный возраст.

Но языковая установка русского языка – не искать себе работников среди чужих – сказала на нашем отношении к другим народам. На протяжении всей русской истории мы не рассматривали инородцев как объект завоевания, как источник рабской рабочей силы. Работников славяне, русские искали внутри своего рода, внутри своего племени. Чужие племена для этих целей нам никогда не были нужны. А ныне, когда русский народ ослабел и истощился, как это было когда-то во времена монголо-татарского ига, мы узнали, что такое рабство. Узнали на собственной шкуре. Другие народы, в языках которых **раб** означает иноплеменник, чужак, которого не жалко, показали русским и другим славянам все ужасы рабского состояния. Рабство в чеченском и дагестанском плену, продажа сотнями тысяч наших русских девушек в израильтанский и европейские бордели, вывоз детей на органы в Западную Европу и Америку – это делается представителями тех народов, для которых **раб** – это чужеродец и чужеземец, человек, с которым можно делать все, что хочешь, человек, которого можно не жалеть.

Могут спросить: а разве русские не занимаются сейчас тем же, разве, по примеру иных народов, нет у нас русских хозяев борделей, русских плантаторов, русских коммерсантов, торгующих детьми? Есть такие, конечно. Но во все времена, – и нынешнее время не исключение, они назывались **выродками** и **извергами**. Выродками – потому что вырождались, переставали принадлежать роду русскому, отказываясь от русских правил жизни. Извергами – потому что русские роды и семьи извергали подобную нежить из своей среды. И сейчас, несмотря на натиск чужих обычаев и иноплеменных правил жизни, мы, русские, никогда не примем нерусских законов, по которым живут другие народы. А те, кто предал правила русской жизни, навсегда останутся для нас выродками и извергами.

Миф о русских завоевателях

Мы уже устали слышать о том, что русские – “мертвый народ”, так самоуверенно говорят о нас на востоке, что русские – “народ, утративший волю к жизни”, так считают на Западе, что русские – “окончательно покоренный на-

род”, так презрительно усмеваются в Израиле. . . А может, так и есть? Может быть, мы действительно мертвый народ, ибо только у мертвого народа нет желания рождать детей. С 2001 по 2009 год, по данным Роскомстата, количество детей в России в возрасте до 14 лет уменьшилось на семь миллионов душ. Может, мы и вправду утратили волю к жизни, ведь по числу самоубийств занимаем позорные первые строки в перечне других государств. И, наверное, Израиль правильно считает нас покоренным народом, поскольку, численно преобладая в собственной стране, составляя 85 процентов населения в собственной стране, созданной и укрепленной руками в том числе русского народа, мы боимся выговорить слово *русский*, а за книги, такие как “Иго иудейское”, за фильмы, как, например, “Россия с ножом в спине”, поднимающие русский вопрос, нас бросают в тюрьмы, сами же книги и фильмы запрещают при нашей безропотности? .

Способны ли еще русские хоть на что-нибудь, и непонятно, как мы прежде воевали, а ведь победоносно воевали, триумфально побеждали, из века в век отвоевывали свободу, независимость, наказывали захватчиков и оккупантов.

Все больше становится русских, готовых принять для себя и то, что они мертвы, и то, что они утратили волю к жизни, и что покорены окончательно. Хочу их остановить, ибо сдаваться рано, отчаиваться преждевременно, накидывать себе петлю на шею на радость захватчикам не стоит.

Просто осознание войны, – это когда русский человек в массе своей начинает понимать, что против него ведут войну, – такое осознание в наши головы приходит не сразу, не вдруг.

Наше представление о войне в корне отличается от понятия войны в других языках. По-английски слово война *war* происходит от глагола *ware*, что значит “торговать”, и английские войны велись и ведутся ради торговли и барышей, это войны ради прибылей. А по-немецки слово война *der Krieg* происходит от глагола *kriegen*, означающего *добывать, захватывать*. Германские народы воевали ради захвата чужих территорий. А что значит *война* по-русски?

Слово **война** имеет тот же корень, что и слово **вина**. По-русски для того, чтобы вести войну, нужно понять, кто виноват в развязывании войны. Нужно найти виноватого. А когда находят виноватого в войне русские люди, вот тогда – берегись! Русский мужик долго запрягает, да быстро ездит. Не про войну ли эта поговорка? Тем, кто сомневается в истинности этого утверждения, предлагаю вспомнить историю нашего Отечества.

Вслушайтесь только в звучание военных терминов по-русски – они все по смыслу своему нацелены на победу, на неперенное поражение противника. **Битва**, это когда мы бьем врага, **рать** – это когда мы яростно устремляемся на врага (*реть* – по-древнерусски – стремление), **сражение** – это когда врага разим, то есть убиваем насмерть. Таковы языковые смыслы военных слов, таков и русский человек на войне. Он весь устремлен к победе, потому что война для него всегда справедлива, на войне он наказывает виноватого в пришедшей на Русь беде. Почему и добивается рано или поздно победы! Ведь **победа** – это то, что приходит после **беды**, что перебарывает беду.

Если с этой точки зрения взглянуть на наш сегодняшний день, то становится ясно, почему русские опустошены безволием и бессилием. Русские пока не осознали, кто виноват в новой развязанной против них войне. Что ведется война – тихая, коварная, подлая, которая уносит жизней больше, что в дни боевых действий, – это ясно уже многим. А вот кто виноват – понимания нет. Ведь те же немцы, англичане, французы, монголы сразу обнаруживали свои намерения – захватывали территории, уводили в плен, убивали, пытали, продавали в рабство. Сегодня земля захватывается, но это называется мирным словом *купля-продажа*. Сегодня продают в рабство, но это именуют *легальной проституцией*. Сегодня берут в плен, но это оказывается *трудоустройством*. Ныне жестоко убивают даже малых детей, потроша их на донорские органы, но это прикрывают *усыновлением*. Войны как бы нет, виноватых в преступлениях против русских как бы ищут, и народ как бы живет мирно. И чтобы подольше русский человек не понял – кто виноват, чтобы он не определил для себя конкретную цель в этой войне, запрещают вольную русскую мысль и вольное русское слово.

Понимаете ли вы теперь – почему запрещают мысль и слово, и даже фильмы и песни, почему изымают из продажи книги и диски, почему лишают нас **права знать?** – Чтобы подольше мы с вами не поняли – кто виноват в этой

войне. Надеются, что за это время русский народ окончательно истощится и уже не поднимется никогда.

А если все-таки осознаем, что **некуда оглядываться, когда смерть за плечами!** Опомнимся, додумавшись, что **в болоте тихо, да жить там лихо.** Вспомним русскую поговорку, говоренную именно про поражение виноватого – **попался, который кусался!**

О, какое тогда наступит чудесное время – время побед. Ведь в русском языке, а следовательно, и в русском сознании заложен потрясающий героизм поведения. Это про нас говорят – **Тонуть, так в море, а не в поганой луже;** это нашими предками заложено – **Лучше умирать в поле, чем в бабьем по- доле!** Чем мы хуже наших героических предков? Разве они не говаривали – **Эх, была не была,** это они жизни своей подводили итог в трудный час решимости. Разве деды и прадеды наши не зарекались – **Либо пан, либо пропал! На всякую беду страха не напасешься!**

Русский человек, осознавший себя на войне, увидевший, кто виноват в войне, – такой русский неустрашим. Он говорит – **Иду вперед, лучше страх не берет.** Он усмехается – **Нам все нипочем.** Он смеется в лицо врагу – **Увидим еще, чья возьмет!**

Энергия сражения сквозит в русских поговорках, рожденных в бою: мы, русские, – не робкого десятка, не говоря худого слова – да ворогу в рожу, за виски да в тиски, за волоса да под небеса... Нам, русским, **хоть на кол – так сокол.** Что еще вспомнить из нашей родной премудрости, чтобы закалить ваши души святой уверенностью: рано сдаваться, стыдно падать духом, крепиться, наше время еще не пришло, виноватого еще не все увидели, потому и война нами пока до конца не осознана. И мы еще застанем чудесное время русской истории. Увидим еще, **чья возьмет!**

Миф о русском всепрощении

Издавна в России считалось, что русский народ незлопамятен, что он легко прощает преступление своим властителям, а обиды – чужеземцам. Это представление о русском характере так въелось во все политические сочинения и дискуссии, что говорить о мстительности или обидчивости русских кажется чем-то наивным. Дескать, Ваня-простак все стерпит, забудет самые изощренные издевательства над собой. И выходит, что любому наглецу и агрессору сколько угодно дозволено над ним изгаляться. К примеру, без всякого наказания остались заявления Виктора Ерофеева из его опуса “Энциклопедия русской души”: “Русских надо бить палкой. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стене. Иначе они перестанут быть русскими. Русские – позорная нация. Национальная идея русских – никчемность. Русских надо пороть. Русские – самые настоящие паразиты. Нормальное состояние русского – пьяное. Русских скорее объединяют дурные качества – лень, зависть, апатия, опустошенность”. Попробовали бы вы выпустить тот же самый текст, где вместо слова *русский* значилось бы еврей или чечен, армянин или татарин, мир тотчас услышал бы грозный протест оскорбленной нации, не миновал бы и кровавых последствий автор подобной дерзости. Да, впрочем, и не рискнул бы никакой Ерофеев даже икнуть в сторону любого из этих народов. А оскорблять русских не только смеет, а делает это с нескрываемым наслаждением.

Почему же русские пока так безответны? История наша показывает, что мы никогда не были скотски покорным народом, что мы терпеливы, но до определенной черты. Только как определить черту, когда русские отказываются сносить обиды? Определить предел терпения, за которым неизбежно вздымается волна народного гнева, можно исходя из смыслов русского языка.

Само слово **гнев** имеет укорененность в родственных ему словах **гнет, угнетение, угнетать.** То есть гнев – это наша естественная русская реакция на угнетение, наш ответ на бесконечный гнет. Гнев свойствен русскому человеку, когда его волю подавляют, когда его свободу гнетут, а душу порабащают. Но гнев – это не только свойство отдельной личности. Весь народ может воспылать гневом, если гнет тотальный, бесконечный и беспощадный. И такой народный гнев инициирует в истории народным восстанием.

Слово **восстание** также не случайно оказывается связанным с понятием народного гнева. Ведь гнет разумеет под собой согбенность народа под чу-

жим жестоким ярмом. Сгорбленная, будто сломанная спина – несомненный знак, символ покорности и рабства, потому что покоренный, порабощенный человек, с точки зрения славянина, – это человек подъяремный, ходящий под игом, работающий на чужаков.

Язык наш хранит в себе противоядие от порабощения, от покорности – это исконное, видимое любому русскому родство слов **сгибаться** и **гибнуть**. Малейшая согбенность в осанке человека – это уже признак слабости, покорности обстоятельствам, подавления воли, преддверие гибели. А согбенность целого народа, попытка нагнуть шеи русских под чужое иго – это знак нам, всем, кто говорит по-русски, что русским грозит гибель.

Восстание же, а по сути – выпрямление народа, выход его из согбенного, то есть гибельного состояния – это единственно возможный для русских способ избежать гибели. Таковы законы национальной жизни, подсказанные нам родным языком.

Как последовательны были всегда русские в исполнении этих алгоритмов, заложенных нашими предками в языковом наследстве. И как страшен был их гнев в пылу национального восстания. Приведу лишь один факт из истории восстания тамбовских крестьян в 20-х годах прошлого века. Тогда отряд китайцев во главе с командиром-евреем внезапно нагрянул в одно большое село, созвав народ на общий сход. Командир убедил русских мужиков, что новая власть готова предоставить им самоуправление, пусть только для этого выберут лучших, самых уважаемых односельчан. Мужики и выбрали с десяток лучших. Их немедленно отвели к стене сельской церкви и расстреляли. Первыми тогда возневались бабы, они с голыми руками кинулись на китайцев. А следом восстали мужики, в ход пошли орудия мирного сельскохозяйственного труда – топоры, косы, вилы и пилы. Китайцев порубали на куски, а еврея-комиссара взвалили на козлы и живьем перепилили пополам двуручной пилой. Я цитирую публикацию документов из журнала “Вопросы истории”. О чем говорят эти документы? О том, что русский народ – хороший, добрый, терпеливый народ, но у его терпения есть черта. Наше терпение можно назвать даже адским, потому что зачастую муки, переносимые народом, превосходят муки ада. Но за этой чертой русские отказывают обидчику в прощении.

Для того чтобы понять, за какую черту в отношении русских нельзя переступать никому, нужно знать, что исконно означает слово **прощение**. Сегодня ошибочно принято считать, что **прощение** по-русски – это забвение обид, нанесенных ближними и врагами твоими.

Так, в русской христианской традиции принято просить Бога **оставить, отпустить грехи** (здесь отражен древнееврейский обычай отпускать в пустыню козла – козла отпущения, возложив на него все прегрешения еврейского народа за год – национально чуждое нам представление о том, что можно взвалить свою вину на кого-то другого, обвинив его во всем плохом, что мы сотворили сами). А еще чисто по-русски у нас принято молить Господа **простить грехи**.

Само слово **простить** восходит к прилагательному **простой**, то есть **прямой, правильный**. В русском языке это значение сохранилось в выражении **простой путь**, что значит – прямой, правильный путь.

В Евангелии сказано: **Да будет око твое просто** – призыв к тому, чтобы взгляд был прямым, без кривизны, правдивый. На Литургии возглашают: **Премудрость, прбсти. Услышим Святаго Евангелия чтение**. Это означает: при слушании Премудрости **будьте прямые**, то есть примите Св. Писание без искажений.

Все эти употребления слова **простой** были возможны потому, что **простить** исконно означало **выпрямить, исправить**. И это подсознательно понимает каждый ребенок, который, провинившись, говорит матери: мама, прости, я больше не буду. Когда мы просим прощения у ближнего, когда взываем – прости, мы тем самым **обещаем исправиться** и обязаны исполнить обещание, ведь закон русской жизни: “сказано – сделано”.

И конечно, русский народ понимал **прощение грехов** именно как исправление грешника, а **прощение обид** – как исправление обидчика. В этом, пожалуй, наша национальная особенность в отношении к собственным грехам и к нанесенным нам чужаками обидам. Там, где другие народы, каясь, оставляют свои грехи в стороне от себя или возлагают свои грехи на каких-нибудь

козлов отпущения, мы, русские, клятвенно обещаем исправиться. В силу законов родного языка мы имеем также и волевое стремление **прощать обиды другим**, то есть **исправлять их, искореняя зло на земле**.

Именно в исконном смысле слова **прощать** кроется ключ к той самой черте долготерпения русского народа. Мы сначала авансом прощаем обидчика, мы прощаем преступника, при этом подсознательно будучи убежденными, что в результате нашего прощения наш обидчик или преступник должен исправиться, должен восстановить справедливость по отношению к нам, должен загладить обиды и покаяться – делом покаяться в своих преступлениях перед нами.

Но если этого не происходит, если обидчик не желает отступать и наглет с каждым днем все больше, – русские начинают исправлять его сами. Ведь он же непременно, с нашей языковой точки зрения, требует прощения. Если не хочет исправляться сам, мы его исправим и тогда с легким сердцем **простим**. Окончательно. Как тамбовские крестьяне.

Сколько таких частных актов русского прощения накопилось уже в наши дни! Кондопога, Харагун, Ставрополь, Сагра... Предупреждаем же каждый раз наших обидчиков в трагические эпохи русской истории – мы, русские, вас простим, но вам же будет лучше, если исправитесь сами.

Миф о русской смирности

Среди русских добродетелей чуть ли не одной из главных считается самоуничтожение, которое в быту еще именуют **скромностью**, а в религиозном плане – **смирением**. Особенно русские ценят и в себе, и в других **скромность**, и означает это слово наше национальное свойство оставаться “на кромке”, с краю, в тени, хотя бы по делам и заслугам ты достоин быть в почестях и хвалах.

Несомненно, у нас, русских, не принято кичиться никакими достоинствами, – ни умом, ни здоровьем, ни достатком, – ничем! И потому даже на обычный житейский вопрос – как дела, у нас обычно отвечают – **ничего**, то есть нормально. А ведь что такое **ничего**, это всего-навсего усеченная формула “ничего нового, ничего страшного”, то есть все по-старому, своим чередом, словно и обсуждать нечего.

При этом русский человек словно боится спугнуть удачу, прогневить Бога излишней самонадеянностью, самоуверенностью, расчетом лишь на свои силы. Обратите внимание: ведь мы с вами таковы во всем. У русских не заведено хвастать детьми, их талантами и успехами, и в самом слове **хвастать** содержится иронический смысл – “выставлять напоказ то, что ухватил”. Русская формула обладания, с точки зрения других народов, тоже очень странная – **у меня есть!** Не то что в других языках: я имею, я достал, я получил, я схватил, я хапнул. Нет! По-русски **иметь** – значит – **у меня есть**, что подразумевает: любое достояние получено свыше, это данность от Бога. И потому у нас существует подсознательная уверенность: что все, данное Богом, при нашей нераচিতельности и самонадеянности Бог может и отнять. Отсюда и поговорка, объясняющая всякую тяжкую потерю: **Бог дал – Бог и взял!**

Нет у русских и самовозношения в делах. Упаси Боже нас гордиться своими трудами и подвигами. Не случайно так мало осталось воспоминаний наших русских солдат о былых сражениях, да и мы, потомки, мало что слышали от дедов и отцов о военных буднях Великой Отечественной. Не принято было хвастаться, стыдно было кичиться.

Этот тип национального поведения во многом запрограммирован тысячелетней традицией русских пословиц и поговорок, в которых смирение и скромность возводятся в достоинства человека, а гордыня и чванство зло высмеиваются. Традиция самоумаления возникла не на пустом месте. Русские – потрясающе талантливейший народ, хваткий, умелый, творческий. При тех пассионарных задатках и дарованиях, что есть у русских, они пожрали бы друг друга, если не накладывать на творческие и пылкие их натуры заведомых моральных ограничений. И эти ограничения, выработанные тысячелетним опытом, подкрепленные православным христианством в формулах священного писания **“Гордым Бог противится. Смирением же дает благодать”**, – эти ограничения сохраняли русскую душу от соблазнов внутринациональных распрей, соперничества талантов и дарований.

Поговорки наши предостерегают от неизбежного падения высоко взлетевшего гордеца: **Не смотри высоко: глаза запорошишь; Не подымай носу: спотыкнешься; Выше носа плюнешь – себя заплочуешь; С высока полета вскружится голова; Не смейся, горох: не лучше бобов – размокнешь и сам лопнешь; Высок каблук подломится на бочок.**

Поговорки издеваются над чванью и спесью: **Гордым быть – глупым слыть; Спесь не ум; Не чванься, квас, не лучше нас; Раздайся, грязь, навоз пльвет! Посади свинью за стол, а она и ноги на стол; С жиру пес бегится; Вздулся как тесто на опаре; Так зазнался, что и черту не брат; Водяной пузырь недолго стоит; Гроша не стоит, а глядит рублем.**

Но этот естественный для русского человека взгляд на жизнь породил в нашей национальной психологии очень опасные издержки. Скромность как русская природная черта стала повсеместно исподволь подменяться самоуничтожением, добровольным умалением, какой-то мазохистской кротостью. И в быту, и в литературе у нас принялись пропагандировать не героя и не подвижника, нам навязывают не творческий русский тип, уверенный в правоте своего дела, а таких множество на Руси, иначе как бы мы построили Великую Империю. Нет, повсюду типичным русским выставляется так называемый *маленький человек* – этакий русский повсеместный Акакий Акакиевич – слабый, жалкий, безвольный неумеха, а если и умеет что, то надо, чтобы им руководили другие – волевые, сильные, умные, более умелые. В русской среде где таких найдешь, надо призывать инородцев, “приидите править и володеть нами”! И мы, русские, запрограммированные русскими пословицами на скромность и смирение в среде своих же русских, ныне оказываемся оттесненными от хозяйства и культуры в собственной стране, нас оттесняют чужаки, ведь ныне чужеродский элемент, не имеющий, подобного нашему, национального кода скромности, а, напротив, наделенный психологией ревностного выживания в жесткой конкуренции, стремится и оттеснить, и подавить русских скромняг, тем более что наши скромняги не рвутся выставлять свои заслуги и достоинства, послушно пятятся в тень, попускают притязания чужеродного гордеца, памятуя собственные пословицы.

Нас оттесняют в том числе и потому, что мы вбили себе в голову быть смиренными и скромными. Верно, смирение и скромность – это добродетели – **среди своих**. Но наша скромность среди чужих оборачивается сегодня национальной трагедией – устранением русского народа из элиты страны – творческой, властной, финансовой, промышленной, художественной. Мы скромные, куда нам до Церетели, мы смиренные, пусть гордится Абрамович, мы кроткие, пускай возносится Кобзон. Но народ, в элите которого преобладают чужаки, давно назван учеными химерой. Нежизнеспособны химеры, рассыпаются в прах, так учит нас опыт истории.

Русские пословицы и поговорки и эту ситуацию предугадывали, ограничения на нашу скромность и смирение давно наложены предками. Вот послушайте, что говорят они нам из глубины веков: **Сделайся овцой, а волки готовы! Суровый, может, сам на беду наскочет, а на смирного – люди нанесут! На Бога надейся – а сам не плошай! Не запряги, меня не погоняй! Дай черту волю – живьем проглотит!**

Показное смирение строго осуждалось как опасное для русского человека, а попытка чужака унижить его, напомнив о необходимости самоуничтожения, пресекалась злой иронией: **Где нам, дуракам, чай пить! Куда нам с посконным рылом да в суконный ряд! Человек я маленький, шкурка на мне тоненькая!**

Надо понимать нам сейчас, что исконные программы нашего поведения среди своих не работают во благо в условиях национальной катастрофы, когда русские ведут борьбу за выживание в чужеродной агрессивной среде. Русское самоуменение сегодня – это беда, которая может закончиться национальным самоубийством. Участь овцы в стае волков легко предсказать.